

Двенадцатилетний Дато мечтает стать исполнителем грузинских народных танцев. «Мой любимый танец – ачарули, – говорит он, поднимая руки и подбородок, и бросая взгляд на воображаемых зрителей. – Мне трудно, но я продолжаю учиться каждый день».

Чтобы осуществить свою мечту, Дато, возможно, придется потрудиться больше своих сверстников, т.к. он страдает синдромом Дауна. Но будущее мальчика сегодня представляется гораздо более светлым, чем всего несколько лет назад. До 2005 года его, скорее всего, заперли бы дома, не позволяя наслаждаться красотами мира, или даже просто ходить в школу. Но теперь у него намного больше шансов реализовать свои мечты.

В 2005 году был принят закон об [инклюзивном образовании](#), введившийся затем постепенно в течение семи лет. Начиная с 2012 года все школы, финансируемые из госбюджета, были обязаны принимать детей с особыми потребностями. Сегодня грузинские общеобразовательные школы посещают 3445 учащихся с особыми потребностями – включая детей, страдающих аутизмом, церебральным параличом или проблемами со слухом.

Изначально крупной проблемой для чиновников системы образования стала задача по обнаружению детей, имеющих право участвовать в программах в рамках системы инклюзивного образования. Стигматизация и социальное отторжение людей с ограниченными возможностями все еще не редкость в Грузии, и многие семьи не выпускают детей с особыми потребностями из дома, практически или полностью отрезая их от внешнего мира. Агентство по социальным услугам при Министерстве труда, здравоохранения и социальной защиты подготовило список детей, имеющих право на статус учащихся с особыми потребностями, в который вошли примерно 10 тыс. человек – т.е. намного больше юных граждан, чем те 3445, что сейчас посещают начальные и средние школы.

«Мы хотим отыскать их [детей с особыми потребностями] и дать им возможность ходить в школу», – говорит Эка Дгебуадзе, глава отдела по инклюзивному образованию при Министерстве образования. Для этого потребуются координация между Министерством образования и Министерством труда, здравоохранения и социальной защиты, а также широкомасштабные просветительские кампании среди населения.

В целом, в сфере инклюзивного образования правительство Грузии лишь реагирует на уже возникшие проблемы, а не старается их предотвратить и контролировать, отметила в своем докладе от 22 октября базирующаяся в Вашингтоне христианская гуманитарная организация World Vision, являющаяся одной из немногих международных ННО, занимающихся проблемами людей с ограниченными возможностями.

На данный момент ожидается, что родители сами проявят инициативу и узнают откуда-нибудь о том, что их дети могут ходить в общеобразовательные школы, где им будет оказываться поддержка. Но часто все происходит не так, как ожидается.

«Родители чувствуют себя одинокими и изолированными», – объясняет Виктория Миделаури, нейропсихолог, ранее трудившаяся в Министерстве образования, а теперь работающая в World Vision специалистом по интеграции людей с ограниченными возможностями в общество. Ее организация открыла клубы для

родителей детей с ограниченными возможностями в четырех регионах Грузии. «Им нужна поддержка, финансовая и эмоциональная, но часто они не знают о том, что она им может быть оказана, или как ее получить».

В сельских районах подобные инициативы могут сыграть роль в обеспечении интеграции людей с ограниченными возможностями в общество, говорят эксперты. В городе Зестапони на западе страны группа учителей организовала в 2004 году место, где дети с ограниченными возможностями могут встречаться и общаться. Ныне в данный центр по уходу за детьми под названием «Ориони» ежедневно приходит 40 детей в возрасте от 6 до 18 лет. Здесь работают 18 специалистов, обученных министерствами образования и здравоохранения. Министерство здравоохранения также оказывает центру финансовую поддержку.

«За 10 лет центр «Ориони» устранил разрыв, – отмечает Джереми Гэскилл (Jeremy Gaskill), исполнительный директор Ассоциации по защите детей имени Маклейна (McLain Association for Children), местной ННО, организующей в Грузии образовательные мероприятия для людей с ограниченными возможностями и членов их семей. – Учителя подают пример, приводя собственных детей, чтобы те играли с детьми с ограниченными возможностями».

«Если бы не они, многие дети с особыми потребностями, которые теперь учатся в школе, остались бы запертыми дома», – добавляет Гэскилл.

Зачисление детей с особыми потребностями в обычные школьные классы прошло не без проблем. Например, когда школа №124 в Тбилиси начала в 2006 году принимать детей с особыми потребностями, ей пришлось столкнуться с активным сопротивлением родителей, не желавших, чтобы их дети учились со школьниками с ограниченными умственными возможностями, говорит преподаватель английского языка Элене Хускивадзе, работавшая раньше в этой школе координатором по инклюзивному образованию. Сопротивление родителей удалось преодолеть лишь после многократных встреч, отмечает она.

Учащиеся с особыми образовательными потребностями есть в более 40% из 2085 общеобразовательных школ Грузии. В зависимости от того, с какими образовательными трудностями они сталкиваются, детей либо помещают в одни классы со сверстниками (где учителя, обученные работе с детьми с особыми потребностями, уделяют им особое внимание), либо обучают в отдельных классах, где уроки ведут специально подготовленные преподаватели.

Школам выделяется ежемесячное пособие в размере 350 лари (\$200) для выплаты одному специально обученному преподавателю на каждые шесть школьников с особыми потребностями.

В каждом из регионов Грузии (за исключением сепаратистских) функционирует по одной специальной группе, состоящей из психологов, эрготерапевтов и преподавателей, обученных работе с детьми с особыми потребностями, задачей которых является оценка образовательных потребностей школьников и подготовка учителей к работе с ними.

С 2013 года Национальный центр профессионального развития учителей при Министерстве образования провел обучение 4700 работников сферы образования и психологов. Центр также предоставляет консультации для родителей относительно того, как справляться с образовательными нуждами их детей.

Лия Табатадзе, являющаяся специалистом по обучению детей с особыми потребностями и матерью четырехлетнего ребенка с синдромом Дауна, считает, что усилия по интеграции людей с ограниченными возможностями должны носить частый и регулярный характер. Закон от 2005 года об инклюзивном образовании «частично поменял отношение людей, но теперь нужны просветительские кампании, включая тренинги, телевизионные программы и мероприятия» с участием общественности, а также представителей правительства, учителей и родителей, считает она.

Но у системы инклюзивного образования есть и критики среди людей с ограниченными возможностями. «Не следует проводить эту реформу любой ценой», – отмечает Эсма Гумберидзе, 20-летняя студентка Тбилисского государственного университета, с рождения страдающая слепотой. Необходимо осознавать, что дети с ограниченными возможностями – это отдельные личности, и нужды у них могут быть разные, подчеркивает она, добавляя, что «при реализации данных программ и обучении специалистов следует проявлять крайнюю осторожность».

Когда она училась в Тбилиси в школе для слепых, один из преподавателей хвалил ее за то, что «очень стараешься получить образование, хотя все равно кончится тем, что будешь просить милостыню на углу».

Но кончилось тем, что Гумберидзе поехала учиться в США.

«Самое главное, чтобы был большой выбор, – говорит Виктория Миделаури из World Vision. – Но если услуги ограничены, у семей не остается альтернатив».